

Пісна Ю. В. І. Льїн: самогубство людини як найбільша втрата для світової гармонії

Проаналізовано погляди на проблему самогубства у філософії І. Льїна.

Ключові слова: самогубство, воля, життя, смерть, гармонія.

Pisna Y. V. I. Ilyin: the suicide of a man, as a great loss for the world of harmony

The analysis looks at the problem of suicide in philosophy I. Ilyina.

The study of suicidal problems in the context of works by I. Ilyin is relevant to us today, as if to draw parallels with the present, reveals a fundamental understanding of the phenomenon, which is possible only from the standpoint of philosophy. Reflecting on the causes and motivations of suicidal actions of man, it can be noted that one of the main are: poverty, selfishness, loss of faith, loss of meaning in life, the rejection of God and the proclamation of the “permissiveness”, unrequited love, loneliness, cloying life, a desire to establish top over the natural process of dying by suicide desire to prove their own worth and power; a complex socio-historical and political situation in a country where suicides, blackmail, and more. All of these reasons are not here by chance as I. Ilyin, believing in the destruction of the human person, offers a person instead of dying from himself - salvation.

The aim of this study is to analyze the phenomenon of suicide in the philosophy of I. Ilyin. This object is achieved by solving the following problems:

УДК 008

О. В. Родный

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

МИФОПОЭТИЧЕСКИЕ ИСТОКИ СМЕХОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Рассмотрены мифопоэтические источники смеховой культуры. Дионисийские игры, древнегреческая комедия, средневековый карнавал исследованы в их генетических связях с античной мифологией и определены как те формы духовно-практической деятельности, которые стали для культуры традиционализма эффективными инструментами преодоления мировоззренческих противоречий.

Ключевые слова: миф, смех, смеховая культура, мифопоэтическое сознание, символизм смеха, дионисизм, метонимия, древнегреческая комедия.

Смех является одной из антропологических констант существования человека; он сопровождает человечество на протяжении всей истории его существования. Смех можно рассматривать как важнейший элемент онто- и филогенеза мифологической культуры; функции смеха в обществе и отношение к нему служат показателями культурного и общественного развития, социальных, политических и идеологических ориентаций общества.

Смеховая культура – неотъемлемая часть любого общества – своими корнями уходит в миф, для которого, в свою очередь, характерны противоречия, смещения смыслов, смены, подмены, путаницы и т. д. Все это разворачивается в оппозиции: «порядок – хаос». Для мифологии смеха характерно то, что порядок того или иного предмета или явления дается в форме беспорядка, хаоса (в той или иной степени). Если нарушена структура предмета, – мы имеем ту или иную меру деструктивности. Если нарушены смыслы, – мы имеем путаницу, определенную меру бессмысленности. Все эти аспекты и лики хаоса даны человеку для преодоления. Смеховая культура и является способом разрешения указанных противоречий. При этом противоречие тем острее, чем ближе человек находится к границе своего постижения мира. Именно в пограничной зоне, наиболее вероятно противоречия смещения меры вещей, характерные для мифа.

Таким образом, смех является своеобразным маркером, характеризующим состояние общества.

1) consider the phenomenon of suicide, destructive action of man against himself, as a consequence of deprivation;

2) reveal the essence of a person overcome the fear of hardship;

3) to analyze the phenomenon of death as a necessity for life, for a more complete understanding of the nature and meaning of human existence.

The essence of life lies in its conciseness, and it becomes possible for the most part only in the knowledge of its boundary and the death of nature. In turn, it is important to note that just sometimes awareness of their own mortality drives people to commit suicide because they did not see the point of their own suffering, there is no need, they think, they endure, if the world is free to end it. But this is a position of disbelief, for believing man there is aware of the immortality of the soul, sin and believes in the salvation that makes his life, although the ultimate in this world, but executed, measured and sensible.

Keywords: suicide, will, life, death, harmony.

References

1. Il'in, IA 1993a, 'O soprotivlenii zlu siloju. Put' k ochevidnosti' ['On the resistance to evil by force. Path to the evidence'], Respublika publ., pp. 5–132, Moscow.

2. Il'in, IA 1993b, 'Put' duhovnogo obnovenija. Put' k ochevidnosti' ['Path of spiritual renewal. Path to the evidence'], Respublika, pp. 133–288, Moscow.

Надійшла до редколегії 04.03.2013 р.

Это и другие свойства смеха еще с античности привлекали внимание исследователей. Определяющее влияние на теорию смеха имели взгляды Платона, Аристотеля, Цицерона, Квинтилиана, выделивших аксиологические, эстетические, этические параметры смеха. Второй традицией, оказавшей воздействие на понимание смеха, стала немецкая классическая философия, представленная трудами И. Канта, Г. Гегеля, Ж.-П. Рихтера и локализовавшая феномен смеха в сфере взаимодействия субъекта и объекта смешного. Третья традиция реализована в работах представителей иррационалистического направления: А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, А. Бергсона, З. Фрейда. Двое последних посвятили исследованию смеха специальные труды, оказавшие определяющее влияние на исследования в XX в. Теория смеха М. М. Бахтина, выстроенная им в монографии «Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса», послужила стимулом для дальнейшего изучения смеха. В науке постсоветского пространства проблемами смеха плодотворно занимаются Д. Затонский, А. Сычев, Л. Карасев, М. Рюмина и др. Целью данной статьи является рассмотрение мифопоэтических истоков смеха, его роли в инверсии мифологического сознания.

Греческая, а позже и римская, народно-смеховая культура опирается на древнюю мифологическую традицию, признающую за смехом сакральный статус. В скульптуре архаичные греческие божества изображались

с канонической улыбкой на лице, (т. н. «архаическая улыбка»). Олимпийские небожители также не избегали человеческого смеха (как и всего человеческого).

Смех, как и миф, лишает мир разумных объяснений, причинно-следственных связей и т. п. Но, разрушая, смех, подобно мифу, одновременно созидает – творит свой фантастический мир, который несет в себе определенное мировоззрение, отношение к окружающей действительности. Более того, смех провоцирует хаос, сметающий отжившие устои общества, и он же после этого приводит мир к гармонии: «Смех – подобие жизни (гармония, возникающая вопреки хаосу). Смех всегда есть смех над хаосом во имя гармонии, он – гармонизация хаоса» (Hubner 1996, p. 68) [1, с. 68].

В древних культурах смех выполнял важнейшие функции гносеологического, культуротворческого, коммуникативного, социализирующего, социального порядка. Народная смеховая культура позволяла закреплять, транслировать, трансформировать символические формы идентификации человека и среды, оптимизировать нормы и ценности, определяющие социальное поведение.

По мере культурного роста общества, усложнения социальной интеракции проявления смеха стали более оформленными в различные стилевые и жанровые составляющие. Пространство смеха позволяло существенно расширить эстетические, этические, социальные границы творчества, существенно оптимизировало задачи искусства, усиливало его роль в культурном и социальном развитии, не порывая своей связи с древними мифами.

Смеховая культура мифа закрепляется в специфических символах и фигурах, которые так или иначе указывают на определенную меру соотношения хаотического и упорядоченного, присущую различным модификациям комического.

Божественное происхождение человеческого смеха придает ему особый, сакральный статус и особые права. Смех, как «форма близкого видения» (М. М. Бахтин), сворачивает дистанцию между идеальным и реальным, делает далекий ранее предмет более близким, вводит его в сферу коммуникации и вписывает его в интимную мировоззренческую картину. В этом смысле, смех также мифологичен (миф тоже в какой-то мере есть способ свернуть дистанцию) и пара «смех – божественность» кажется еще более неразделимой, стремящейся к онтологической оплотненности.

Символика божественного смеха опирается, прежде всего, на символику свободы: олимпийские боги свободны от страха и ограничений. Смеясь, человек уподобляется божеству, входя в то же духовное пространство свободы от общественных запретов, пространство неограниченной коммуникации равных. Ярким выражением этой свободы являются оргиастические обряды античной древности, корректирующие растущую общественную дифференциацию: культ объединяет людей во временную крупномасштабную общность, намного превосходящую все существующие в обыденной жизни общности и группы. Наиболее развитым из подобных объединяющих культов является культ Диониса. Механизм этого культа подобен механизму опьянения, когда наружу вырываются инстинктивные, бессознательные порывы, происходит разрыв с обыденностью и человеческая душа чувствует единение со всем сущим и понимание всего сущего – органическую и оргиастическую связь с природой. В

этом состоянии даже боль приносит радость, и хаос не внушает ужаса – сама душа есть часть этого хаоса.

Дионисизм – своеобразное «хоровое» состояние, где индивидуальная душа перерастает себя, прорываясь из единичного в Единое. То, что смех в дионисическом культе играл немаловажную роль, проявляется, в частности, в том, что смех был постоянным, практически доминантным атрибутом самого Диониса. Не случайно и то, что обычная свита Диониса состояла из хохочущих вакханок и бражников. Сменяющийся человек – апофеоз дионисизма, считалось, что лишь он способен разорвать связь с обыденностью.

В основе создания комического эффекта дионисизма лежит такое художественное средство, как метонимия.

Происхождение метонимии и ее природа обусловлены ее тесной связью с мифом. Известный современный немецкий философ Курт Хьюбер полагает, что «гомерический смех» является ... основной составной частью греческого мифа... Шутовская (буффонская) пародия оказывается даже важнейшей стороной всей жизни богов. К этому следует добавить, что уродством и бранной речью, так называемыми эхологиями, сопровождалась культовые действия, например, во время тесмофорий (праздников плодородия), Великих процессий Дионисий и в других случаях. Неискоренимым предрассудком остается мнение, согласно которому миф есть очень серьезное дело и боги должны всегда шествовать с достоинством. Грек же представлял себе это совершенно иначе. Для него юмор есть выражение божественного в людях» (Sichov 2004, p. 401) [2, с. 401].

Произведение художественной литературы содержит в себе определенные представления о мире. Так, древнегреческая комедия представляет собой онтологическую систему, в которой выражена и обоснована концепция взаимоотношений человека и внешней действительности.

В комедии отражены традиционные онтологические взгляды древних греков. Более того, людей, наблюдающих за комедийным зрелищем в Древней Греции, объединяло совместное нахождение перед лицом бога. Таким образом, людей и бога объединял смех – своеобразная форма жертвоприношения. Комедийный смех сакрализуется в античном сознании, которое связывает благотворную энергию божества с особым восторженным состоянием участников представлений.

Идея временного игрового нарушения бытийных основ в античной комедии связывалась со своеобразной художественной концепцией человека. Комедия трактовала и судила человека с точки зрения его отказа от принятых в обществе нравственных норм и поведенческих ориентиров. Художественным эквивалентом данного типа человеческого качества являлся комедийный персонаж, наделенный деформированным внешним видом. Деформированный образ персонажа можно рассматривать как одну из наиболее важных примет нарушенного божественного мироустройства. Человек занимает видное место в структуре античной картины мира, феномен человека, его облик рассматривались как результат божественного установления. Распад же целостного образа человека выступал одним из главных источников смеха в древнегреческой комедии.

Разрушая целостный образ комедийного персонажа, комедия стремилась осуществить инверсию, основанную на переосмыслении оппозиций: целое – часть. Часть, выступая в качестве заместителя целого, тем самым

как бы временно, в гипотетичном порядке, узурпирует чужие свойства и качества, и в результате наступает санкция в виде смеха. Смех в большинстве случаев – форма осуждения, неприятия временного нарушения легитимного движения жизни.

Инверсия – одна из наиболее характерных примет античного комедийного мышления. Сюжет античной комедии основан на выдвигании в центр ее художественного мира второй части следующих оппозиций: идеальное – материальное, божественное – человеческое, целое – часть. Пародийная, шуточная эмансипация второй части перечисленных оппозиций выражает идею временного распада целостного миропорядка, возникшего и существующего воле богам.

В древнегреческой комедии происходит перемещение онтологических фрагментов. Нижние фрагменты бытия временно занимают место верхних. Онтологические фрагменты олицетворяются комедийными персонажами. Они выступают наглядными знаками распада мироустройства. Наиболее органичной формой отражения этого процесса является метонимия. Характерно, что маски комедийных актеров по сути своей метонимичны, так как на них изображено какое-то одно определенное эмоциональное состояние действующего лица комедии. Маски позволяют манифестировать распадающийся облик персонажей, сигнализируя, что и сам человек в комедии выступает в качестве метонимии, части искаженного мира, так как играет роль агента этого мира, который вскоре рухнет под взрывами смеха зрителей.

Перемещение фрагментов бытия осуществляется в комедии в форме инверсии основных функций мифологических персонажей: в этом случае обыгрываются ситуации перехода власти от сильных к слабым, от богов к птицам или людям. Кроме того, инверсия половых ролей: мужчина вместо женщины (часто), и гораздо реже – женщина вместо мужчины, также обеспечивает создание комического эффекта.

Однако человек не может навсегда замкнуться в мире коллективного бессознательного, окончательно растворившись в «мы». «После взлета наступают опустошение, растерянность и сознание начинает требовать чего-то более осязаемого и веского, того, на что можно было бы опереться в этом переходном, лишенном красок состоянии» (Vulis 1976, p. 96) [3, с. 96].

Мифопоэтическое сознание в Древней Греции разрушалось под влиянием многих факторов: экономического подъема и последующей имущественной и социальной дифференциации; роста городов и городской культуры; расширения торговли и мореплавания, обусловившего знакомство греков с иными традициями и нравами. В условиях развития полисов механизмы понимания мира, предложенные мифологической традицией, были явно неадекватны изменившимся социальным условиям. Свообразная информационная энтропия, кризис понимания мира как упорядоченной системы указывал, прежде всего, на превалирование социального хаоса над порядком. Древняя Греция ищет новый общественный идеал и находит его, отчасти, в сфере комического.

Разрушение мифопоэтического мировоззрения в Древней Греции требовало коренных перемен в общественном сознании. Нормы, традиции, привычки, регулирующие общественные связи в родовом обществе, уже не были способны упорядочить новые

отношения с их все более сложной структурой и многообразием возможностей. Традиция уступает творчеству, предопределенность – свободе, коллективизм – индивидуализму. Индивидуализация и возросшая степень свободы не могли не отразиться на стихии комического. Растущая роль разума в смеховой культуре проявляется в ряде особенностей: смех уже не представляется непознаваемо-божественным, тем, к чему можно быть лишь сопричастным. Теперь он – просто инструмент для достижения различных (социальных, философских, этических, политических) целей. В зависимости от этих целей, единая смеховая культура редуцируется и распадается на ряд форм. Для литературы послеклассической эпохи характерно жанровое многообразие («сократический» диалог, мениппея, сатира, памфлеты, эпиграммы и т. д.). Ядро смеховой культуры составляют «рационализированные» жанры, привносящие в область комического серьезный оттенок.

Коллективный смех, опирающийся на мифопоэтическое сознание, был важнейшей составляющей античного континиума. Он находил выражение в соответствующих культурах, обрядах, литературных жанрах. «Между тем, коллективный смех, – отмечает А. А. Сычев, – только инструмент совмещения разных пластов миропонимания, «плави́льный котел» экстремумов культуры. Он не вещает истину, а показывает ее принципиальную нелинейность, множественность; путь к ней лежит через коммуникацию, синтез и медиацию противоположностей – то есть через серьезно-смеховое отношение к миру» (Vulis 1976, p. 96) [3, с. 96]. Если официальная серьезность отрицает часть истины – ее комическую сторону, то и чистый смех отрицает часть истины – сторону серьезную.

Мифопоэтический смех не выступал в целом против официальной серьезности; более того – косвенно поддерживал ее, сохраняя социальную стабильность. Первобытный праздник был формой катарсиса – очищения от деструктивных желаний; дионисическая оргия завершалась аполлоническим видением; античные ритуальные насмешки над триумфатором были, в конечном счете, формой осанны, а не издевательства. Соответственно, серьезность не препятствовала смеху, а легитимировала его – в определенных социально установленных рамках. Мифология и связанные с ней античные праздники, средневековый карнавал пытались воссоздать объемное видение мира, соединяя крайности в единое целое.

Мифопоэтическое сознание, являясь основой культуры античного и средневекового общества, тем не менее видоизменялось, трансформировались и социальные функции смеха, подготавливая условия для вызревания новых общественных отношений. Ренессансные особенности смеха, его связь мифопоэтической традицией представляют научный интерес и могут быть предметом дальнейшего исследования.

Библиографические ссылки

1. Вулис А. З. Метаморфозы комического / А. З. Вулис. – М. : Искусство, 1976. – 125 с.
2. Хюбнер К. Истина мифа / К. Хюбнер. – М. : Республика, 1996. – 448 с.
3. Сычев А. А. Смех как социокультурный феномен: дис. ... д-ра филос. наук : 24.00.01 / Андрей Анатольевич Сычев. – Саранск, 2004. – 362 с.

Родний О.В. Міфопоетичні витoki сміхової культури.

Розглянуто міфопоетичні джерела сміхової культури. Діонісійські ігри, давньогрецька комедія, середньовічний карнавал досліджено в їх генетичних зв'язках з античною міфологією і визначено як ті форми духовно-практичної діяльності, що стали для культури традиціоналізму ефективними інструментами подолання світоглядних протиріч.

Ключові слова: міф, сміх, сміхова культура, міфопоетична свідомість, символізм сміху, діонісизм, метонімія, давньогрецька комедія.

Rodny O. The myth-poetical sources of the laugh culture

The article deals with the laugh culture myth-poetical sources. Collective laughter, based on the myth-poetical consciousness, was the most important component of the ancient continuum. It found expression in the relevant cults, rituals, literary genres. Greek and Roman laugh cultures are based on the ancient mythological sacred laughter tradition. The mythology laughter characterized by the fact that the order of an object or phenomenon is given in the form of confusion, chaos, which a person must overcome. Laughter and myth both deify man, reduce the distance between the ideal and the real life, inserting it into the communication sphere. The symbolism of the divine laughter is based on the symbolism of freedom: the Olympic gods are free from fear and limitation. Laughing man is like a God, going into the same spiritual space of freedom, raising over social taboos, the space of unlimited communication of the equals in the rights.

The essence connection between myth-poetical and laugh sources of the culture reveals in Dionysianism as a particular kind of «choral» state, in which the individual soul outgrows itself, breaking out of a unit in the Entity. Dionysian comic

УДК 141.33

E. K. Skiba

Dnepropetrovsk national university named after Oles Gonchar

ORIGINS OF THE POLITICAL AND DISCOURSE GENESIS OF THE GENDER

The process of gender identity's construction is analyzed.

Keywords: gender identity, masculinity, femininity, internalization, sexuality.

Actuality. In the process of the person's socialization each stage of development is characterized by a particular semantic meaning, relevant to the needs of this development. The process of gender identity's construction, as one aspect of socialization, is characterized by the difficulty in determining the coherence of personal and social aspects. Researchers of recent years extensively studying the genesis of the problem, affect a wide range of issues. For example, an anthropologist Easter Newton suggests that the structure of impersonation, as the process of the role's performance reveals one of the key mechanisms for fraud, by which the gender is the socially constructed (Newton 1972) [3]. Monique Wittig argues that the very category of «sex», as itself, is made in the interests of heterosexual policy (Wittig Monique 1983) [5]. The political task that emerges in the case requires that we should understand not only the benefit that a given cultural identity has, but the benefit and the power that established as the result of these cultural norms.

The purpose of the article is to explore the complex process of identity and identification formations, and to trace their role in the constitution of gender. Within psychoanalytic theory, identifications exist in a mutually exclusive binary matrix conditioned by the cultural necessity of occupying one position to the exclusion of the other. In this case we struck to the following question: is identification always restricted within the binary disjunction?

Main Body. In fantasy a variety of positions can be

source is based upon metonymy which is a form of the trope, genetically ascending to myth and mostly defining – in the arsenal of the literary devices – the refraction of the principle «everything in the all» basic for mythology in the models of the world created by the antiquity literature. Thus the ancient Greek comedy is the ontological system in which the conception of the relationship between man and the external reality manifests itself. In the antiquity consciousness the comedy laugh possesses the sacred essence due to the attitude of the special «enrapture» state of the mystery participants to God's beneficial energy. In the whole mythological laughter did not act against the official seriousness; moreover – it indirectly – through the weakening of norms and restrictions of the society – supported the official culture, maintaining social stability. In the traditional culture mythology, ancient holidays, related with it, and early medieval carnival become important tools of the spiritual-practical activity directed to the recreation of three-dimensional view of the world, overcoming outlook and connecting the centre and the marginalia of the individual self-identification.

Keywords: myth, laughter, laugh culture, myth-poetical consciousness, symbolism of laughter, Dionysianism, metonymy, ancient Greek comedy.

References

Hubner, K 1996, '*Istina mifa*' ['The truth of the myth'], Respublika, Moskow.

Sichov, A 2004, '*Metamorfozi komicheskovo*' ['Laughter as a social and cultural phenomenon'], Saransk.

Vulis, A 1976, '*Metamorfozi komicheskovo*' ['Metamorphoses comic'], Iskusstvo, Moskow.

Надійшла до редколегії 01.03.2013 р.